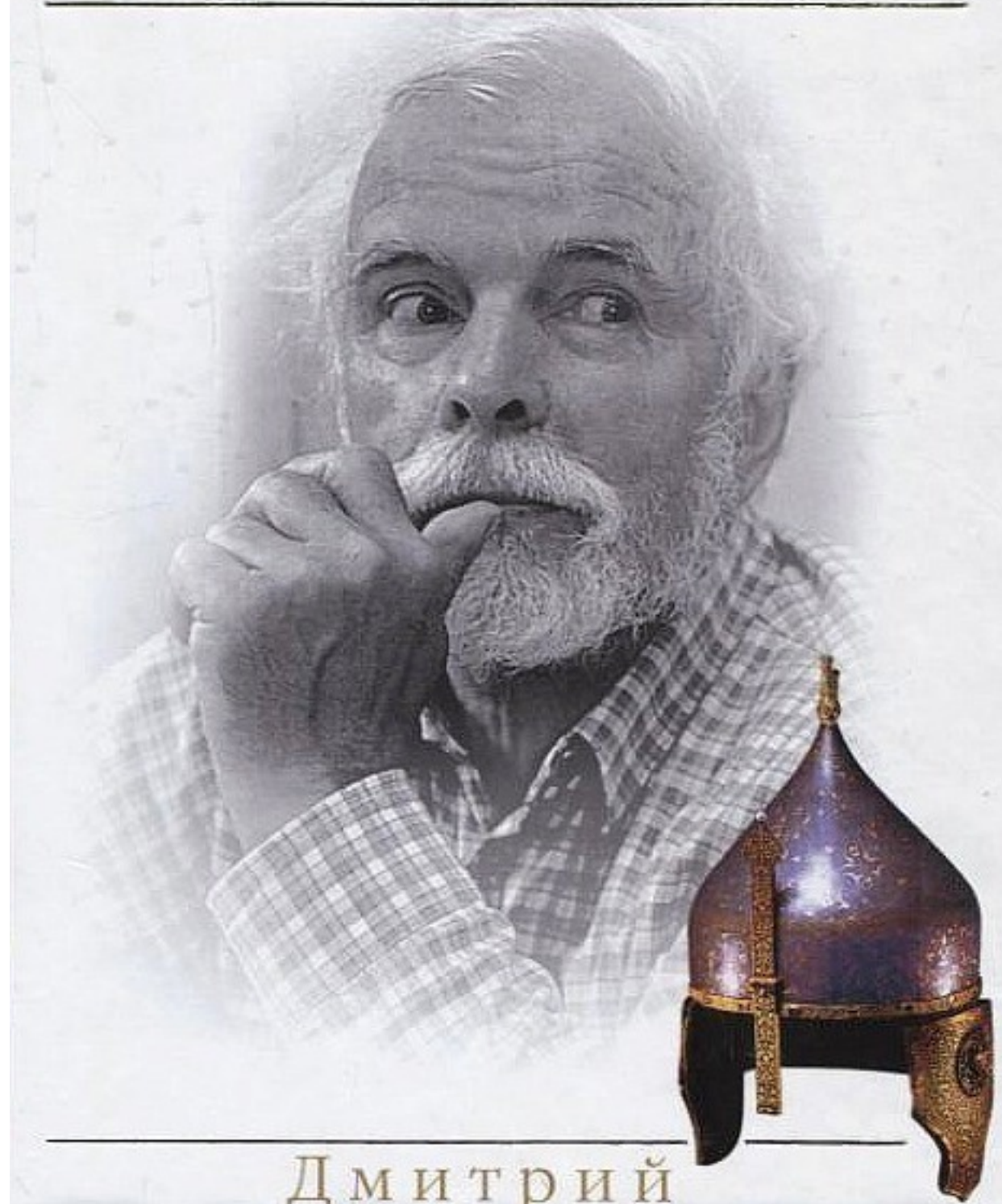

Николай Коняев

Дмитрий

БАЛАШОВ

На плахе

Николай Коняев

Дмитрий Балашов. На плахе

«Алисторус»

2008

УДК 82-4
ББК 84

Коняев Н. М.

Дмитрий Балашов. На плахе / Н. М. Коняев — «Алисторус»,
2008

ISBN 978-5-9265-0529-7

Трагическая смерть Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000), выдающегося исторического романиста, филолога-фольклориста, просветителя, потрясла. Хотя не раз ходил он под топором и жизнь положил на плаху. Писатель рассказывал, как перед каждой очередной книгой его «то убивали, то пытались посадить, а то и сажали в сумасшедший дом». А сколько претерпел он, защищая от уничтожения памятники старины, храмы, великое наследие Отечества? Он был максималистом и успел сделать много, очень много для одного человека. А главным делом жизни оставались книги – его повесть «Господин Великий Новгород», роман «Марфа-посадница», знаменитая серия романов «Государи Московские» вошли в золотой фонд отечественной литературы. Не менее насыщенными были последние годы Дмитрия Михайловича. В перестроечное время он защищал национальное достоинство русского народа, отстаивал целостность России. Беспощадно обличал политиков-предателей. Чем нажил кучу врагов разных уровней.

УДК 82-4

ББК 84

ISBN 978-5-9265-0529-7

© Коняев Н. М., 2008

© Алисторус, 2008

Содержание

И скорбь, и слава...	6
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Михайлович Коняев

Дмитрий Балашов. На плахе

© Коняев Н.М., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

И скорбь, и слава...

Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! Это не предисловие, это молитва. Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду! Ибо это подлинное чудо: суметь описать человека, столь и во всем и по всему высшего, чем я сам, человека, на такой высоте стоящего, что и поглядеть на него раз – уже закружится голова. Дай мне, Господи, поверить, а ведь я не верю, ничему не верю, что было с ним чудесного и чем был он сам. Не верю, но знаю, что был он, и был такой, и даже лучший, чем тот, что описан в «Житиях», ибо даже и в житиях не видно его дел духовных, его непрестанных дум, не видно света, исходящего от него, а лишь то, что освещал он светом своим. Видны плоды произросшие, и не видно, не дано увидеть творения плодов.

Дай, Боже Господи, свершить невозможное! Дай прикоснуться благодати, дай прикоснуться хотя бы края одежды его! Ибо в нем – Свет, в нем – Вера, в нем и из него – моя Родина.

Дмитрий Балашов, «Похвала Сергию»

17 июля 2000 года в квартире Дмитрия Михайловича Балашова на улице Суворова сработала сигнализация. Наряд милиции, прибывший на место, никаких следов взлома не обнаружил, но все-таки решено было позвонить в Козынево, где находился деревенский дом писателя.

Дозвонились до главы ильменской сельской администрации Андрея Кузьмина, работавшего раньше участковым. Он отправился к Балашову. На стук никто не откликнулся, но ворота усадьбы были не заперты.

Когда Кузьмин вошел внутрь, он увидел завернутое в одеяло тело Дмитрия Михайловича...

На голове темнела – она была хорошо видна на седых волосах писателя – запекшаяся кровь... На шее болтался кусок веревки. В доме все было перевернуто...

Вызванные на место трагедии эксперты-криминалисты установили, что убийство совершено сутки назад – в ночь с 16 на 17 июля 2000 года...

Странно, но произошло оно ровно – день в день! – десять лет спустя после смерти другого великого русского писателя Валентина Саввича Пикуля.

16 июля – печальный день в календаре русской исторической беллетристики. Если же вспомнить, что оба писателя ушли от нас как раз накануне убийства в 1918 году Царской семьи, мистическая окрашенность этой даты приобретает особо зловещий смысл...

Глава первая Родословная

Осмысленный национализм учит человека, что безнациональность есть духовная беспочвенность и бесплодность; что интернационализм есть духовная болезнь и источник соблазнов и что сверхнационализм доступен только настоящему националисту. Ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа.

И.А. Ильин, 1937 г.

1. Гипси-Хипсей. Н. Олейников. «Смена фамилии». 2. История Михаила Гипси. 3. Эдвард становится Дюкой. 4. Детство. Изостудия. Кардобовский. Школа. 5. Дача. Война. Смерть отца. Некролог-натюрморт 6. Эвакуация. Рудник Биркуль. Возвращение в Ленинград. 7. Детсад № 3. Завершение школы. 8. «Театрологическое» отделение. 9. Смена фамилии

Дмитрий Михайлович Балашов родился 8 ноября 1927 года в Ленинграде...

Записываешь эти привычные для биографического повествования слова и останавливаешься, понимая, что это не совсем так, вернее совсем не так.

Дело в том, что восемьдесят лет назад не было никакого Дмитрия Балашова.

Тогда в семье актера ленинградского ТЮЗа Михаила Гипси и его жены, театрального художника Анны Николаевны (в девичестве Васильевой), родился сын, которого родители назвали Эдвардом.

1

Считается, что свой псевдоним, ставший и фамилией его, отец будущего писателя, носивший от рождения фамилию Кузнецов, составил из букв имени и фамилии драматурга Генриха Ибсена, страстным поклонником которого он был.

Необычное сочетание букв так нравилось молодому актеру, что со временем он начал рассказывать приятелям, дескать, это и есть его настоящая фамилия, и сам он никто иной, как незаконнорожденный сын английского лорда.

Когда же знающие английский язык люди объяснили ему, что по-английски слово «джипси» обозначает цыгана, и никак не может быть именем лорда, это нисколько не смутило актера-футуриста. Он тут же схватил свой паспорт и дописал продолжение фамилии, превращаясь в Гипси-Хипсея...

Смена фамилий в послереволюционное десятилетие – достаточно обычное дело, и во многом это было обусловлено стремлением чекистов и государственных чиновников среднего ранга поменять на русские свои родные фамилии и имена.

Но, как всегда бывает в таких случаях, волна «обрусения» в органах ГПУ растворилась в массовом отказе от своих родовых корней, ставшем своеобразной постреволюционной модой.

Это поощрялось большевистской властью...

Во-первых, это помогало замаскировать подлинную причину столь стремительного «обрусения» сотрудников ГПУ, а, во-вторых, точно вписывалось в проводимую большевиками линию общей интернационализации России, очень четко выраженной в директивных указаниях наркома А.В. Луначарского, считавшего, как и другие большевистские функционеры, что

ни в коем случае не следует поддерживать «иррационального пристрастия» к русской речи, русской истории, русскому типу лица...

Чем руководствовались сами русские люди, столь активно менявшие свои фамилии в послереволюционные десятилетия, разобраться труднее. Можно понять тех, кто стремился ради безопасности скрыть свое прошлое, но таких было меньшинство.

А остальные?

Поэт-обэриут Николай Олейников, с которым, кстати сказать, Михаил Гипси-Хипсей вполне мог встречаться и даже быть знакомым, поскольку круги их общения в Ленинграде пересекались, в 1934 году написал стихотворение, которое так и называлось – «Перемена фамилии»...

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой...

Стихотворение, начинающееся в обычной для Олейникова манере «внука Козьмы Пруtkова», – умышленный примитивизм, гротескные несовпадения лексической окраски слова с его логическим содержанием – развивается как-то необычно для Олейникова серьезно и трагедийно:

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо...

Тут уже и тени иронии нет, да и какая может быть ирония, если посреди травестийной игры меняющимися масками вдруг:

Я видел лицо негодяя,
Волос напوماженный ряд
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

И пусть, словно бы опомнившись, снова пытается скрыть герой за клоунскими ужимками страх и растерянность:

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал... —

апробированные приемы не срабатывают сейчас.

Я крикнуть хотел – и не крикнул.
Заплакать хотел – и не смог.
Привыкну, – сказал я, – привыкну.
Однако привыкнуть не мог...

Стихи Н.М. Олейникова несут в себе высокий трагизм, возвышающийся над галантерейностями языка, и именно этот высокий трагизм и делал Олейникова поэтом. Именно поэтому шуточные стихи его не пропали вместе с альбомами и альбомчиками, а остались в русской поэзии.

Трагизм этот ниоткуда не заимствовался.
Он шел из самой судьбы Н.М. Олейникова.

В «Перемене фамилии» поэт впервые, быть может, попытался сказать о главном, попытался сформулировать главное для себя, и среди трагедийных масок вдруг возникло его собственное искаженное болью лицо:

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить...

Стихотворение, заканчивающееся смертью героя, – он отравился! – как бы завершало путь, который начался для самого Олейникова, когда, чтобы сохранить право на жизнь и творчество в большевистской России, попытался переменить он не фамилию даже, а саму свою казацкую, русскую суть.

Рассказывая в окружении Самуила Яковлевича Маршака о том, что он весь пропитан ненавистью к казакам и всему казачьему, и даже книги начал читать только из ненависти к тупости и невежеству своих казаков, а евреев, «*этих умнейших, благороднейших, лучших людей на свете*» он стал любить, Николай Макарович в рамках обэриутской поэтики соединял самопародию с изощренным издевательством как над самим Самуилом Яковлевичем, так и над его окружением.

Чем все это закончилось, я достаточно подробно рассказал в своей документальной повести «Дни забытых глухарей», а сейчас я вспоминаю об этом, потому что в решении актера ТЮЗа Михаила Михайловича Кузнецова сменить фамилию было нечто и от превратившегося в Никандра Орлова героя стихотворения Н.М.Олейникова, и от самого Николая Макаровича, чья жизнь оборвалась в 1937 году в расстрельной яме на Левашовской пустоши...

2

А происходил Михаил Михайлович Кузнецов из купеческой семьи.

Согласно семейному преданию, отец его Михаил Лукьянович служил у Саввы Морозова, который и послал его учиться. После училища Михаил Лукьянович ездил в Америку, а потом устроился приказчиком к саратовскому купцу-мукомолу Семену Семеновичу Степашкину и женился на его дочери Марии Семеновне.

После рождения Михаила в 1891 году семья переехала в станицу Кубанскую Краснодарского края, но саратовские связи не оборвались.

В Саратове Михаил Михайлович закончил коммерческое училище, отсюда — это было в 1911 году! — уехал в Петербург, чтобы поступить в Политехнический институт.

Впрочем, в Политехническом институте будущий актер не задержался, начал писать стихи и перебрался на филологический факультет Петербургского университета.

Сблизившись с кубофутуристами, Михаил Кузнецов входит в кружок Елены Генриховны Гуро, встречается с В.В. Маяковским, В.В. Коменским, В.В. Хлебниковым, Д.Д. и В.Д. Бурлюками, а в 1916 году выпускает в издательстве «Жатва» книгу «Пленная птица».

Во время войны он служил в армии, но перед революцией вернулся к гражданской жизни, начал заниматься — еще в Саратове он увлекся театральными постановками! — актерской работой.

В 1917 году Михаил Лукьянович Кузнецов — дед писателя — умер, как писал Григорий Михайлович Балашов, «то ли от рака печени, то ли от сердечного приступа, а скорее всего — от революции»...

Как актер Михаил Михайлович Гипси-Хипсей несомненно нашел себя.

Знавшие его люди утверждали, что, «если бы не некая неуравновешенность (мягко говоря), он встал бы в ряды русских гениев».

Может быть, в этом и есть доля преувеличения, но в Театре юного зрителя¹, которым руководил тогда А.А. Брянцев, М.М. Гипси-Хипсей играл вместе с Н.К. Черкасовым, Б.П. Чирковым, В.П. Полицеймако, П.П. Кадочниковым — артистами, ставшими гордостью советского театра.

Так получилось, что Михаил Михайлович Гипси оставил заметный след и в живописи — его рисовали В.А. Гринберг и А.С. тендеров.

«Портрет актера ТЮЗа Гипси М. М. с четками» принадлежит к числу лучших работ А.С. Шендерова и храниться в Русском музее. Между прочим, представлена эта работа и в известном альбоме «Живопись 20–30-х годов», выпущенном издательством «Художник РСФСР» в Санкт-Петербурге в 1991 году.

«Характерный профиль Михаила Гипси, пожалуй, даже несколько шаржированный, не придает однако портрету черт карикатуры, свидетельствуя лишь об остроте восприятия художником видимого мира. Более того, уравновешенность, монументальная композиция выражает значительность образа человека, очень заинтересованного художника», — сказано в сопроводительной статье.

Александр Семенович Шендеров не ограничился этим изображением М.М. Гипси. Известна и другая его работа, написанная в том же, 1924 году, «Портрет актера ТЮЗа Михаила Гипси с мишкой».

Снимался Михаил Гипси и в советских кинофильмах.

Возможно, кое-кто из читателей этого очерка, сам того не подозревая, помнит его по фильму «Чапаев», в котором Гипси сыграл крохотную роль красноармейца, растерявшегося и выскочившего из окопа во время «психической» атаки каппелевцев...

Символично, что именно в этой роли — остальные фильмы с его участием утрачены! — и можем мы сейчас увидеть Михаила Михайловича Гипси-Хипсея.

И неуравновешенности, и путаницы в его голове было предостаточно...

¹ В ТЮЗе, который находился тогда в лекционно-концертном зале бывшего Тенишевского училища на Моховой улице, Михаил Гипси играл роли Держиморды в «Ревизоре», полицейского в «Томе Сойере» и т. д.

В 1926 году Михаил Михайлович Гипси-Хипсей женился на художнице ТЮЗа Анне Николаевне Васильевой² и переехал в ее квартиру на улице Чайковского³. А через год, 8 ноября 1927 года, у них родился первенец – Эдвард Гипси-Хипсей⁴.

Насчет фамилии, которой отец-футурист наградил своего первенца, все понятно. Но он ведь и имя его, выбранное в полном соответствии с православной традицией⁵, тоже – и тут не смог обойтись Михаил Михайлович без футуристического выверта! – переименовал на английский манер.

И тут, разумеется, не могло и речи идти о необходимости обезопасить сына, поскольку ни ему, ни самому Михаилу Гипси тогда ничего не грозило. Скорее можно говорить о какой-то болезненной гримасе.

Большевистская Россия наших интернационалистов затаптывала Россию русских, и перемена фамилии становилась своего рода внутренней эмиграцией. И хотя такие люди, как Михаил Гипси, и в мыслях не держали выехать за пределы страны, но внутренне они покидали Россию. В каком-то смысле, это было подсознательным протестом против экспансии интернационалистов.

Конечно, далеко не каждый русский человек способен был на подобную внутреннюю эмиграцию, но Михаил Михайлович Гипси, прошедший школу футуристов, не *каждым* и был.

Как относился к отцу сам Дмитрий Михайлович, не известно, но некая ирония по отношению к отцу очевидно присутствовала.

Станислав Панкратов рассказывал, что Михаил Михайлович Гипси-Хипсей был «человеком весьма необычным, беззаветно преданным театру (он увлеченно играл даже задние ноги лошади Дон Кихота)»⁶. Едва ли Станислав Александрович мог узнать об этой подробности от кого-либо кроме самого Дмитрия Михайловича Балашова или его матери Анны Николаевны Гипси.

Как бы то ни было, но отцовское наследство – об этом свидетельствуют почти все, кто запомнил Дмитрия Михайловича в молодости! – явно тяготило его.

Впрочем, иначе и не могло быть...

Любой писатель знает, что, если в уже написанном романе, повести или рассказе он попытается переменить имя героя, произведение сразу поблекнет, утратит свою жизненную убедительность.

Что же говорить о том произведении, в котором мы сами отчасти являемся героями!

Уже в первые часы жизни будущий писатель, как рассказала Анна Николаевна Гипси, был хмурым и озабоченным...

– Фу! – вырвалось тогда у Анны Николаевны. – Дюка-то какой...

Близкие Дмитрия Михайловича, возможно, с его собственных слов, толкуют это слово по словарю В. Даля, где «дюка» обозначает молчаливого или угрюмого человека, медведя, буку...

Так же поступают и некоторые биографы писателя, развивая толкование В.И. Даля применительно к Д.М. Балашову.

«И хотя Дмитрий Михайлович не был угрюм, но от хозяина леса унаследовал и хватку, и смелость, и силу. Так имя Дюка и прилепилось к нему»⁷.

² Как писал Г.М. Балашов, брат писателя, жизнь матери после 1917 года была нелегкой. Училась она в Университете на биологическом факультете, но когда родился Дмитрий, университет пришлось оставить. Работала художником-декоратором в ЛенТЮЗе, а в старости получила диплом реставратора икон и работала по этой специальности.

³ Тогда к нему на улицу Чайковского перебралась и мать – Мария Семеновна Кузнецова.

⁴ Второй сын, ставший потом Григорием Михайловичем Балашовым, носил от рождения имя Генрика Гипси-Хипсея.

⁵ Дмитрий Михайлович Балашов родился 8 ноября (26 октября), на день памяти великомученика Дмитрия Солунского.

⁶ Наука и бизнес на Мурмане. Науч.-практ. журн. Мурманск. № 2(47), 2005. С. 48.

⁷ Наука и бизнес на Мурмане. № 2(47) 2005. С.7.

На наш взгляд, Анна Николаевна вкладывала в прозвище сына иной смысл. Ведь назвать своего сына «букой» мать, конечно, может, но едва ли мы найдем такую родительницу, которая захочет сделать в общем-то ругательное слово постоянным прозвищем своего первенца...

Тем более, что у слова «Дюка» есть и другое значение...

Это еще и имя знаменитого персонажа русской былины, молодого боярского Дюка Степановича, славного не только своей удачью, но и упрямством и какой-то совершенно необыкновенной заковыристостью.

3

Возможно, этого персонажа былины, которую она могла читать в гимназии, и вспомнила Анна Николаевна Гипси, когда принесли ее первенца.

Приходил-то Дюк да к родной матушке,
Говорил-то Дюк да таково слово:
«Ты свет государыня моя матушка!
Мне-ка дай прощеньице-благословленьице,
Мне-ка ехать, Дюку, в столен Киев-град».

Мать отказывается благословить сына, поскольку путь в Киев далек и труден, но Дюк не унимается.

«Во всех градах у меня побывано,
А всех князьев да перевидано,
Да всем княгиням-то послужено, —
В одном во Киеве не бывано,
Киевского князя-то не видано,
Киевской княгине-то не служено».

Но и эти доводы не убеждают матушку:

«Я не дам прощеньица-благословленьица
Тебе ехать, Дюку, в столен Киев-град.
Как ведь ты, дитя мое, заносливо,
А заносливо да хвостоватое,
Похвастать, Дюк, ты родной матушкой,
Похвастать, Дюк, да ты добрым конем,
Похвастать, Дюк, да золотой казной,
Похвастать, Дюк, да платьем цветным.
А во Киеве люди все лукавые,
Изведут тебя, Дюка, не за денежку».

Но Дюка не переспорить, не переубедить...

Говорил-то Дюк да таково слово:
«Ты свет государыня моя матушка!
Тем меня ты не угроживай.
Дашь прощеньице – поеду я,
Не дашь прощеньица – поеду я».

Говорила Дюку родна матушка:
«Ай ты, дитя ты мое милое,
Молодой ты боярский Дюк Степанович!
Тебя Бог простит, Господь помилует».

Весьма вероятно, что именно этот общеизвестный эпизод былины «Дюк Степанович и Чурила Пленкович», записанной еще А.Ф. Гильфердингом, и возник в памяти Анны Николаевны, когда, увидев первенца, обостренным материнском чувством отгадала она вдруг и его непростой характер, и будущую нелегкую судьбу...

И тогда и сорвалось с губ слово, заменившее сыну выдуманное отцом имя...

Связи характера Дмитрия Михайловича с характером Дюка Степановича, параллели былинного сюжета с судьбою Балашова прослеживаются во многих эпизодах жизни Балашова, но сам Дмитрий Михайлович не только проживал отдельные эпизоды былины в собственной жизни, но и изучал ее, как фольклорист... Одна из его работ, так и называется «Уникальная редакция былины о Дюке Степановиче»⁸.

Тут, кстати, уместно помянуть, что в письмах к матери, подписанных «Дюк», Дмитрий Михайлович тоже иногда вспоминает и саму былину. Например, в письме за 12 июля 1963 года он пишет матери: «Нашел былинщика, записал одну былину «Дюка» коротенького»⁹. То есть в общении друг с другом они поминали не «буку», не медведя, а все-таки былинного персонажа.

Ну, а тогда, 8 ноября 1927 года, сорвавшееся с губ матери словечко прилипло и, кажется, это сам будущий писатель и сменил изобретенное отцом имя, когда ему было всего несколько часов от роду.

Забегая вперед, уместно будет отметить тут, что уже после войны, когда пришла пора получать паспорт и когда Дмитрий Михайлович решил официально избавиться от отцовского интернационального клейма, он не стал брать фамилию деда, которую и должен был носить, если бы не своеволие отца.

Возможно, Дмитрий Михайлович уже тогда подумывал о карьере писателя и, меняя фамилию, заботился и о том, чтобы не затеряться среди весьма многочисленных Кузнецовых¹⁰, но, разумеется, главным было не это.

Он был родным сыном Михаила Михайловича Гипси-Хипсея и, исправляя своеволие отца, поступал точно так же своевольно, как поступал, кстати, и былинный персонаж, молодой боярский Дюк Степанович...

Кстати, корней своих Дмитрий Михайлович мог и не знать.

Все подробности родословной Кузнецовых и Степашкиных мы приводим по изысканиям Григория Михайловича Балашова, сделанным им уже после кончины старшего брата...

4

Тем не менее детство юного Дюка Гипси было счастливым, а любовь к родителям неподдельной, и родители тоже несомненно любили его.

Это видно и по фотографиям.

Вот двухлетний толстощекий Дюка устроился на шею отца, а мать заботливо поддерживает его сзади. Из-за спины смотрит она на сына, и столько любви, столько бережности в ее

⁸ Русский фольклор. Л., 1971. Вып. XII. С. 230–237.

⁹ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1 Дело 1103, лл. 1–2.

¹⁰ В Справочнике Союза писателей СССР за 1986 год Кузнецовых – семнадцать членов СП СССР. Правда, и Балашовых там тоже достаточно. Вместе с Дмитрием Михайловичем – пять человек.

взгляде! И отец, Михаил Гипси в пуловере в крупную клеточку, хотя и не может обернуться, но как-то так направлен взгляд, что кажется, он на сына и смотрит сейчас.

Сохранилась и фотография 1933 года. Воспитанники Ленинградского детсада № 3 играют на шведской стенке в садике. Пятилетний Дюка Гипси стоит, схватившись руками за верхнюю перекладину, и смотрит куда-то в сторону от объектива фотоаппарата.

Одет он так же, как и другие дети – короткие штаны на ляпочках, но вид серьезный. Он стоит как бы отдельно от играющих детей...

Настоящий Дюк Степанович в детстве...

С этим именем будущий писатель пошел и в школу.

«До войны – школа, «приличная бедность», горячо любимая мать», – писал он в своей автобиографии¹¹.

Творческие способности рано проявились в первенце Гипси-Хипсеев.

В 2001 году в Центре музыкальных древностей, в Великом Новгороде была организована выставка «Балашов-художник». Приглашение на выставку создали на основе рисунка, сделанного шестилетним Дюкой Гипси.

Рисунок завораживающий: море с диковинными обитателями, вокруг моря – непроходимые леса, окаймленные хороводом взявшихся за руки человечков, а в небесах парят птицы...

«Что это? – размышляя над этим рисунком, задает вопрос директор центра культуры «музыкальные древности» В.И. Поветкин. – Ответ один: это видение одушевленного Мира словно бы с ковра-самолета. Поражает то, что в точности такой же надмирный взгляд, пусть в других творческих итогах, сохранялся и у семидесятилетнего Балашова. Все в нем едино: и дитяtko, и мудрец».

Не оспаривая этой трактовки, отметим, что «надмирный» взгляд Дюки Гипси, запечатленный на этом рисунке, очень близок «надмирному» взгляду матери Дюка Степановича, рассказывающей сыну о тех непреодолимых препятствиях, что ждут его на дороге к Киеву:

На прямой дорожке три заставушки,
Три заставы ведь великие:
Первая заставушка – Горынь-змея,
Горынь-змея да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская.
Другая заставушка великая —
Стоит-то стадушко лютых грачей,
По-русски назвать дак черных воронов.
А третья заставушка великая —
Стоит-то стадушко лютых гонцов,
По-русски назвать дак серых волков.

Ну, а сохранил этот рисунок педагог Дмитрия Михайловича – К.А. Кордабовский, который долгие годы вел во Дворце пионеров изостудию.

Здесь, в Аничковом дворце на Фонтанке, Дюка Гипси и начал заниматься рисунком и живописью.

«Художника из меня, как и писателя (! – *Н.К.*) не получилось, – писал Д.М. Балашов в 1990 году в воспоминаниях, посвященных своему наставнику. – Не ведаю, к сожалению или к счастью. Началась война, потом голод, эвакуация, занятия живописью пришлось бросить на

¹¹ Дмитрий Балашов. Писатель. Историк. Фольклорист: Материалы первых Балашовских чтений. 7–9 ноября 2001 года. Великий Новгород, 2002. С. 4–6.

годы, а потом я не смог поступить в училище и так далее. Хотя и то скажу, что еще лет десять-пятнадцать из меня выходило тоской по утраченному желание стать живописцем. Были и идеи и замыслы, неосуществимые по причине отсутствия мастерства. Художником – художником слова я все-таки стал в конце концов и, возможно, знающие меня, как автора, найдут в некоторых описаниях моих следы давнего детского увлечения изобразительным искусством.

Но несмотря на это долгая моя привязанность к моему учителю в Доме пионеров Кордабовскому у меня осталась так же, как и у большинства его учеников.

И сейчас по миновении лет я задумываюсь – почему?

Что заставило меня разыскать Кордабовского после войны, приходить к нему в гости, беседовать. Он тогда уже, кажется, оставил преподавание. Воротившись с войны, женился, как оказалось, хорошо. Это был один из тех радостно-удачных поздних браков, когда жена становится и соратником и помощницей своего мужа.

Но все-таки почему? Тем более что учился я неудачно, помню, мусолил какую-то реалистическую композицию, надоевшую мне до омерзения. И Кордабовский каялся потом, что дал мне ее, а не что-нибудь сказочное, что открыло бы простор моей детской фантазии. Но время было такое. И опять же – не в этом дело... Кордабовский умудрялся давать нам не только азбуку рисования и живописи – я бы сказал даже не столько – сколько старался сделать нас людьми, привить истинную культуру. И потому, например, запомнились мне не столько сами занятия, сколько такие вот «взрывы» – когда Кордабовский приносил вдруг на урок «Медного всадника» в иллюстрациях Александра Николаевича Бенуа и мы погружались в старый Петербург... В другой раз приносит «Азбуку», изданную в году девятнадцатом, кажется, почти всю погибшую вместе с разгромленной типографией. И опять мы смотрим на удивительных каких-то неправдоподобно вытянутых чертей (на букву «Ч») и учимся понимать, чем черно-белая графика отличается, скажем, от офорта»¹²...

Не совсем обычной была и школа¹³, в которой учился Эдвард Гипси-Хипсей.

Находилась она в Соляном переулке напротив Центрального училища технического рисования А.Л. Штигица¹⁴.

Вестибюль с колоннами, широкие пролеты лестницы с широкими перилами, по которым так нравилось кататься ученикам, и высокие стеклянные двери классных комнат – все это более напоминало дворец, чем обычную школу.

Кстати сказать, школу эту знают и те люди, которые никогда не бывали здесь.

В 60-х годах прошлого века пользовался немалой популярностью фильм – «Ключ без права передачи» – о школьных проблемах того времени. Этот фильм снимался как раз в этой школе.

Прекрасная изостудия...

Одна из лучших школ Ленинграда...

Пронизанная театром семейная жизнь...

Все это приметы детства Эдуарда Гипси – хорошего мальчика из хорошей ленинградской семьи, не догадывающегося пока не только о своей судьбе, но и об имени и фамилии, под которыми предстоит жить и работать ему.

Как видно по воспоминаниям, в школе будущий писатель ни именем, ни творческой специальностью родителей, ни собственными талантами особо не выделялся из круга одноклассников.

Сохранилась фотография 5-го «Б» класса, в котором учился в 1940 году Дюка Гипси. Он стоит в последнем ряду и едва выглядывает из-за стоящего перед ним мальчика.

¹² Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области. Ф. 8107 о. 1, д. 644.

¹³ Нынешняя школа № 181.

¹⁴ Сейчас – Государственная художественная промышленная академия им. В.И. Мухомовой.

Впрочем, интерес к истории проявился уже в детстве.

«Мы вместе разыгрывали бесконечные баталии на темы походов Македонского или Ермака, – вспоминает одноклассник Балашова, Владислав Ромилович Башинский, – и для этого готовились бумажные воины, вооружение, строились крепости и замки».

Ну, а скоро – будущий писатель закончил тогда шестой класс! – в его жизнь пришла и настоящая история...

5

Лето 1941 года семья Гипси-Хипсеев проводила на даче, в Шапках.

Здесь они снимали комнату у финна Ильи Андреевича.

Когда объявили о начале войны, решено было возвращаться назад.

Как вспоминает Григорий Михайлович Балашов, «уезжая с дачи, все запасенные продукты оставили хозяину, а приехали в Ленинград, и купить в магазинах уже было нечего»¹⁵.

Скоро наступил голод, сил двигаться не было. Эдвард и Генрик Гипси жили теперь в детском саду № 3 на Озерном переулке, куда мать устроилась работать воспитателем. Отца они видели редко, он остался в опустевшем здании эвакуированного на Урал театра. Михаил Михайлович каждую ночь дежурил на крыше, сбрасывая немецкие зажигалки.

В пятидесятые годы, Дмитрий Михайлович Балашов попытался написать рассказ о блокаде¹⁶, но дальше набросков дело не пошло. Трудно было вспоминать о самом страшном голоде, который пережил он.

По наброскам видно, как мучился Дмитрий Михайлович, пытаясь встроить в беллетристический сюжет свои воспоминания о блокаде, но это так и не удалось ему, так и остались блокадные воспоминания в рассыпанных по тетрадным листкам штришках...

«Я не могу читать, мешает голод»...

В начале 1942 года Михаил Михайлович Гипси-Хипсей с острым отравлением попал в больницу, которая размещалась в Аничковом дворце.

Здесь 5 января он и умер.

Д.М. Балашов рассказывал¹⁷, как уже после войны пришел он в Аничков дворец, где умер от голода его отец, и здесь, в студии К.А. Кордабовского, на правах старого ученика, работал над натюрмортом – на цветной желтой оберточной бумаге лежало полбуханки черного хлеба и вобла.

«Исчезнувшая ныне, а тогда незаменимая для натюрмортов рыба, не портясь, могла лежать месяцами, а сложные переливы цвета на ее копченых боках и чешуе являлись находкой для обучения начинающих художников.

И вот на втором, на третьем ли занятии явилась довольно молодая остроносая дамочка из горкома комсомола с проверкою, узрела воблу и хлеб, сморщила нос. Натюрморт показался ей бедным, а подбор – нарочитым напоминанием о блокаде.

Любопытно, отчего эта публика всегда боялась любых возможных напоминаний о каких-либо трудностях в стране. Разумеется, объяснять ей, что полбуханки хлеба и две воблины явились бы зимой 1941/42 г. королевским пиром и могли бы спасти от голодной смерти целую семью – было бесполезно»...

Этот натюрморт-некролог сохранился.

¹⁵ Балашов Г. М. Пунктирная линия. СПб., 2005. С. 4.

¹⁶ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 433 л. 2.

¹⁷ ГАНПИНО. Ф. 8107 о. 1, д. 644.

Смотришь на него, и кажется, что и буханку хлеба, и воблины, брошенные на лист желтой оберточной бумаги, Дмитрий Михайлович рисовал, думая, что этого куска хлеба и не хватило, чтобы сохранить жизнь бесконечно талантливому, но изуродованному футуристическим интернационализмом русскому человеку, его отцу Михаилу Михайловичу Кузнецову...

6

Весной 1942 года, когда умерла от голода вся семья брата Николая, работавшего в Ленинградском университете на филологическом факультете, Анна Николаевна удалось пристроиться со своими сыновьями, ставшими дистрофиками, на эвакуацию.

По тающему льду Ладожского озера их вывезли на Большую землю.

Запомнилось тогда немного и совсем не то, что надо было запомнить. Осталась в памяти только как-то странно освещенная церковь в Кабоне...

Очнулись, пришли в себя уже в Кемеровской области.

Здесь, на руднике Берикюль, и устроились эвакуированные Гипси-Хипсеи.

Анна Николаевна почти круглосуточно пропадала в детдоме, где работала воспитателем и где все дети называли ее «мамой».

Старший сын учился в местной школе, но из-за пропущенного в Ленинграде полугодия, из-за голода, отстал в учебе на целый год.

«Жить было, – как вспоминал Григорий Михайлович Балашов, – очень трудно после большого города»...

В бараке на руднике, где они жили, «действовали в быту законы физической силы и наглости».

Отъедались картошкой.

Иногда Анна Николаевна зарабатывала на молоко, рисуя что-либо по заказу местных жителей.

Рассказывают, что будущий писатель как-то подрядился пилить дрова.

– Хорошо, парень, работаешь! – похвалил хозяин. – Зовут-то тебя как?

– Эдвардом...

– Эх ты, – посочувствовал мужик. – Имя-то какое заковыристое. А работаешь хорошо...

Осенью 1944 года, когда блокада Ленинграда была прорвана, Анна Николаевна решила вернуться в родной город.

Разрешение выхлопотать не удалось, и возвращались, «почти тайком», как пишет в своей автобиографии Дмитрий Михайлович Балашов.

«Впечатление было такое, – подтверждает его воспоминания брат Григорий Михайлович, – что правительство всячески тормозит возвращение коренных горожан на свои пепелища».

А вернувшись, Гипси-Хипсеи обнаружили, что остались без жилища.

Комнаты, в которых жили еще деды и прадеды Анны Николаевны¹⁸, оказались заняты сотрудницами МВД, а вещи растащены соседями...

Анне Николаевне так и не удалось отстоять ни одной комнаты в родительской квартире...

В Ленинграде оказавшуюся бездомной семью приютила Татьяна Николаевна Розина, к которой пришла Анна Николаевна Гипси, чтобы устроиться на работу в детский садик.

Как и в блокаду, она поселила Анну Николаевну в общежитии детсада № 3, в двухэтажном флигеле, стоявшем между Ковенским и Озерным переулками.

¹⁸ Анна Николаевна, по свидетельству Григория Михайловича Балашова, соединяла в себе эстонские, смоленские и, возможно, ярославские корни и была петербурженкой третьего поколения.

Сначала Гипси жили вместе с другой семьей в одной комнате, а затем появилась своя комната площадью 12 квадратных метров.

7

Как вспоминал Григорий Михайлович Балашов, Татьяна Николаевна Розина была дочкой дореволюционного профессора и отличалась высокой культурой и удивительной честностью.

И сотрудников она набирала под стать себе.

«Ольга Сергеевна Лаврова, Елена Кирилловна Гаркун, Анна Антоновна Сакевич и другие были людьми удивительными по сегодняшним временам, они честно работали, неся свою культуру и детям. В большом саду были растения, животные и проводилась работа с детьми по изучению всего этого. Дети не хотели идти домой, играя в этом саду.

Многие сотрудники детсада были нашими хорошими знакомыми, конечно, оказывали влияние на формирование наших взглядов. Поэтому я долго не знал, что есть плохие люди, не ждал внезапного нападения, оскорбления, предательства. Все это я стал понимать годам к 30 и позднее»¹⁹.

Очевидно, не без помощи новых сослуживцев матери будущий писатель, отставший из-за блокадной зимы в учебе от сверстников, сумел наверстать в Ленинграде упущенное, и, перепрыгнув через один класс, закончил десятый класс вместе со своими одноклассниками.

«Я окончил школу, десятый класс, едва не попал в армию, но кончилась война, и мне разрешили, после разных проволочек, поступить в институт, – писал сам Дмитрий Михайлович в «Автобиографии». – Разрешили поздно, к октябрю, и поступить я смог только в театральный вуз на Моховой, на театроведческий факультет. (Его весьма часто называли «театраловедческим»). Возможно, сработала память покойного родителя, бывшего актером ТЮЗа».

Последняя фраза: «Возможно, сработала память покойного родителя...» – на наш взгляд, выпадает из общего контекста.

Как-то странно употреблено тут слово «возможно»...

Разумеется, Михаила Михайловича Гипси-Хипсея помнили в бывшем Центральном театральном училище, ставшем с 1939 года вузом. Ведь само это училище (Моховая улица, 34) очень тесно было переплетено с ТЮЗом, располагавшимся в доме 33 по Моховой улице, и как бы прорастало сквозь него. Поэтому сотрудники училища забыть такого яркого актера, погибшего в блокаду, никак не могли. Да и сам Дмитрий Михайлович, в конце концов, твердо должен был знать, *как* происходило его зачисление в институт!

Но, может быть, слово «возможно» в его автобиографии не только к самому факту зачисления в институт и относится.

Михаил Гипси дал сыну не его настоящее имя, не его настоящую фамилию. Театральная судьба, которую он – так получилось! – хотел навязать сыну, тоже была не его судьбой...

8

«Театраловедческое» обучение не захватило будущего писателя целиком.

Мы уже упоминали, что, обучаясь в институте, Дмитрий Михайлович ходил «на правах старого ученика» в студию Дома пионеров к К.А. Кордабовскому рисовать натюрморты...

Есть свидетельства о его поездках во время учебы...

¹⁹ Балашов Г.М. Пунктирная линия. С. 4–5.

В 1947 году, например, он первый раз побывал в Новгороде. Город еще лежал в руинах, а Дмитрий Михайлович приехал с краюхой хлеба и луковицей в кармане и сразу отправился в церковь Спаса-на-Ильине, чтобы попытаться скопировать фрески²⁰.

Разумеется, нелепо было приписывать этим поездкам какое-то определяющее судьбу будущего писателя значение, но что-то мешает нам относиться к ним, как к обычным студенческим экскурсиям...

Нет...

Это было неосознанным поиском самого себя...

Вернее, поиском своей русскости.

Отец Дмитрия Михайловича в футуристическо-интернациональном восторге – вспомните о том, что не следует поддерживать «иррационального пристрастия» к русской речи, русской истории, русскому типу лица! – затапывал в себе русскость.

Дмитрий Балашов к русскости пытался вернуться.

На фотографии 1948 года, где он запечатлен вместе в Владиславом Башинским и Любой Крусановой, Эдвард Гипси сидит в русской косоворотке, с вышивкой по вороту и по обшлагам. Рука, сжатая в кулак, лежит на столе. Вид какой-то народовольческий.

Конечно, говорить о народовольческой решимости и жертвенности применительно к решению надеть на себя косоворотку – смешно.

Но это для нас смешно.

Дмитрию Михайловичу, когда ему было двадцать лет, для этого потребовались и решимость и жертвенность. Сам того не сознавая, мучительно искал будущий писатель свой путь, вернее, пока еще пытался понять, что же надо искать ему.

«Мы вместе учились в ЛГТИ, Ленинградском Государственном Театральном институте, – вспоминает однокурсница Д.М. Балашова Алла Кторова. – Станный, необычный он был человек... сотканный так же, как и его отец, из парадоксов. Сравнение Шекспира и Симеона Полоцкого, Лопе де Вега и протопопы Аввакума – вот абсолютно разнородные его увлечения во время нашей юной дружбы».

Найти себя в духовном пространстве, ограниченном именами Шекспира и Симеона Полоцкого, Лопе де Вега и протопопы Аввакума, нелегко.

Гораздо легче вообще потеряться в этом просторе...

9

К сожалению, пока точно не удалось установить, когда же Дмитрий Михайлович поменял отцовскую фамилию. Сам Дмитрий Михайлович, кажется, нигде в своих записях не упоминает об этом, документов в архиве, позволяющих точно датировать событие, тоже пока обнаружить не удалось. Можно предположить, что это произошло при получении паспорта, но есть свидетельства, что это случилось позднее...

«Однако вскоре вкусы его резко изменились, – вспоминает Алла Кторова. – Россия и ее история – вот что стало предметом его глубочайшего изучения. Когда Дмитрий Балашов начал подвизаться на поприще литератора, то в соответствующих кругах решили, что печататься под выдуманной его отцом фамилией взамен настоящей (самой простецкой, бытующей в России), совершенно невозможно и надо эту дикую, трудно произносимую фамилию, да и имя заодно, срочно менять в официальном порядке, подогнав под понятия «простых» русских людей. Что и было сделано Дмитрием (в то время его звали по-другому) совместно со мною, уже тогда, в самом юном возрасте считавшей ономастику, то есть именоведение, глав-

²⁰ Большакова Н. Встречи с Дмитрием Михайловичем Балашовым // Наука и бизнес на Мурмане. (Духовная практика; т. 9), № 2(47): Украсный мир Дмитрия Балашова. 2005. С. 7.

ной своей будущей профессиональной жизненной стезей. Помню, как сидели мы с ним, почти дети, голова к голове, прикидывая, какая фамилия лучше, красивей, «руссее» – Строганов или Балашов. Я была за Строганова, но он решил сменить свое жуткое, придуманное отцом «прозвание», на «Балашов».

Я не стал бы отвергать это свидетельство однокурсницы Д.М. Балашова на том только основании, что в годы учебы на «театраловедческом» факультете Балашов не написал еще никаких литературных произведений, и значит, едва ли «соответствующие круги» могли принимать решение, чтобы он «в официальном порядке» подогнал свою фамилию «под понятия «простых» русских людей».

И о деятельности Дмитрия Михайловича на поприще литератора, и о решении «соответствующих кругов» однокурсница знала только с его же слов, а что может рассказывать мечтательной студентке о своих планах на будущую жизнь не переваливший двадцатилетнего рубежа студент, рассказывать нет нужды.

Кстати, другим знакомым Дмитрий Михайлович называл хотя и иные причины, подтолкнувшие его к смене фамилии, но тоже не имеющие никакого отношения к реальности.

Например, В.Р. Башинский, одноклассник Дмитрия Михайловича, объяснял перемену фамилии практической целесообразностью. Балашов, дескать, ездил в экспедиции и «какая деревенская бабушка с Вологодчины или Беломорья открыла бы калитку человеку с таким чудным именем – Эдуард Гипси?! А Митрию Балашову— пожалуйста: и песни, и сказки!»

И это тоже немножко не так, как было на самом деле...

Вернее – совсем не так.

Чтобы наших русских бабушек, переживших нашествие чекистских банд с нерусскими именами, можно было напугать именем Эдуарда Гипси, надобно было в придачу к этому имени ему и чекистский маузер выдать. Ну, а самое главное, и не ездил еще Эдуард Гипси ни в какие фольклорные экспедиции, когда поменял фамилию.

Но опять же, это не означает, что Владислав Ромилович выдумывает отсебятину. Вполне возможно, что Дмитрий Михайлович Балашов именно таким образом и объяснял перемену фамилии своему однокласснику.

И это очень существенно...

Получается, уже тогда Балашов понимал, что есть то, о чем невозможно рассказать ни одноклассникам, ни однокурсницам, ни коллегам писателям, которым Дмитрий Михайлович объяснял, что смена имени и фамилии произошла очень просто – открыл телефонный справочник и попал на фамилию Балашов...

Русская сущность будущего писателя уже не вмещалась в сконструированную в годы торжества интернационализма ономастическую оболочку.

Он чувствовал, что в нем возникает другой человек...

Русский...

Таким мы и видим его на студенческих фотографиях – в русской косоворотке, которую он не будет снимать всю жизнь.

И звали этого человека тоже по-русски – Дмитрий Михайлович Балашов.

Он не знал еще, чем он будет заниматься...

Он знал только, что занятия эти будут служением России...

Глава вторая «Театраловедческий» выпускник

Здесь, в пыльном институтском коридоре, разворачивается последняя страница повести, и я говорю о ней, потому что всякое начало есть вместе с тем конец чего-то предыдущего...

*Д.М. Балашов, повесть **Культпросветработа***

1. Защита диплома. Распределение в Кириллов. 2. Свадьба с Людмилой Сергеевной Шапошниковой. 3. Письмо матери. 4. Кириллов. 5. Кирилловские разочарования. 6. План «культпросветработы». 7. Аксенов и Балашов. «Коллеги» и «Культпросветшкола». 8. Кирилловская инсценировка. 9. Бегство из Кириллова

Юношеская решительность и бескомпромиссность Дмитрия Михайловича Балашова чувствуются не только на фотографиях той поры, но и в его дипломной работе «Борьба Щедрина с либеральной и реакционной драматургией за демократизм и реализм искусства русского театра (в 60-х, 70-х и начале 80-х годов)», которую он защитил в 1950 году.

И хотя Балашов предупреждает, что «настоящая дипломная работа преследует скромную цель первичной систематизации части эстетических высказываний Щедрина (разумеется, далеко не по всем вопросам), в приложении к театру, исходя из общей главной идеи его критической деятельности»²¹, но сам он так не считал и вкладывал в свою работу гораздо больше жара души, чем требуется для компилятивно-реферативной работы.

На фотографии того времени он запечатлен с томом из собрания сочинений Салтыкова-Щедрина. Вид такой, будто дипломант Балашов вычитал у Салтыкова-Щедрина что-то такое, чего еще никто не знает.

В тексте диплома, впрочем, это сокровенное знание Балашову обнаружить не удалось. К счастью.

Ибо в противном случае неизбежно возникли бы проблемы.

А так Дмитрий Михайлович благополучно защитился, и в начале лета 1950 года получил диплом «театраловедческого» факультета.

1

«Так подошла судьба.

Он встал. Тяжелые портьеры директорского кабинета... Внимательные глаза членов комиссии.

Кресло было чрезмерно низким... он опускался, опускался, наконец, утонул, расставленные локти лезли к ушам. Настоящая трагедия понять, что ты смешон в такую минуту!

Как слабы его доводы, что это он говорит такое?

– Вы хотите остаться в Ленинграде?

– Нет! (О нет! Это позор, позор!) Вслух – Вы меня не так поняли (кажется, краснею) Это...

Сошлись на Вологде.

За дверями только начал понимать, что не узнал ничего, даже адреса школы. Впрочем, адрес тут же написан.

²¹ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 922, л. 5.

Город Кириллов...
– Покажи, это где?
– Где?
Он и сам не знал...»

2

Так описал Дмитрий Михайлович в повести «Культпросветшкола»²² начало своей самостоятельной жизни.

«В те годы всех окончивших обязательно распределяли, как правило, вне Ленинграда, – подтверждает это в своих воспоминаниях его брат. – Но можно было и выбирать себе что-то получше, поинтереснее, поближе к городу... Но Дмитрий выбрал самый трудный вариант. По своим идейным соображениям он решил поехать на русский север, чтобы учить русских крестьянских детей высокой культуре. И получил направление в Вологодскую областную культпросветшколу, которая располагалась в городе Кириллове, приступив к работе в сентябре 1950 года.

Надо сказать, что начинать самостоятельную жизнь, без мамы, было ему необычно и страшновато. И он срочно женился на своей же сокурснице Шапошниковой. Им обоим дали направление в Кириллов, но та испугалась самостоятельности еще больше и уехала к своим родителям. Так этот брак ничем не закончился».

Свадьба с Людмилой Сергеевной Шапошниковой тоже описана в «Культпросветшколе».

«Лето в тот год стояло душное, жаркое. Бессмысленная беготня по городу и нерешенность собственной судьбы измучила до предела.

На улицах рыли траншеи, проводили газ, кучки любопытных терпеливо наблюдали умную работу машин.

Красота города меркла под слоем пыли.

Свадьбу праздновали скромно – не было денег».

А потом сразу: «Сергей не знал своего сердца»...

Сергей – это герой повести.

Вернее, это псевдоним Дмитрия Балашова в «Культпросветшколе».

3

Под своим именем Дмитрий Михайлович Балашов предстает в письмах-дневниках матери, написанных в 1950 году.

«24 августа 1950 года.

Здравствуй мама! Долго колебался, наконец, решил – буду писать дневник в письмах тебе. Это жестоко, пожалуй... (уж не бросить ли эту затею?!) что ты будешь воспринимать всерьез все скачки моего настроения... Но писать дневник особо и письма тебе особо – вряд ли справлюсь. А так ты будешь всю мою жизнь видеть и давать полезные советы. Итак – изобразим Руссо – обстановка соответствует.

В Череповец доехал легко и без приключений. Со мною в купе ехал симпатичный лейтенант с молодой женою – мы разговорились, я услышал много интересного от него.

Утром в пять часов – Череповец. Лейтенант сердечно пожал мне руку, пожелал удачи.

²² ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407, л. 10.

Я выгрузился, сдал вещи в камеру хранения и пошел на пристань. Пароход – 18 часов. Или вечером ехать с Белозерским пароходом и от Горниц добираться 8 километров незнамо как. Решил ждать.

Череповец унылый деревянный город. Есть, конечно, и каменные дома. Домики чаще двухэтажные, обшиты тесом, резьба прорезная, узоры плохи – мещанство. Впечатление – отсутствие стиля. Хороши лишь ворота. Они все одностильны, при этом нет двух одинаковых...

За два дня измучился. Цены на рынке – Ленинград в воскресенье. Молоко 3 р. 30 к. Прочее по соответствию...

Шексна красивая, широкая река в холмистых, большей частью низких берегах. У Череповца в Неву шириной, если не более.

Пароход удобный большой для реки. Вещи к пристани я перевез на автобусе за четыре рубля. Возчик на тележке предлагал перевезти за 20 руб. Погрузился в третий класс – самый удобный кстати. Отплыли в семь часов вечера. Быстро стемнело. Солнце легло на далекий лес, стало погружаться, погружаться, мы уходили от него, и перед носом парохода уже подымалась глубокая синь. Наконец – солнце скрылось за мысом и больше не появлялось.

Люди едут всякие, но городского хулиганья и пижонов – нет совсем. Народ хороший. На «о» говорят уже в Череповце...

Утром я умылся, надел костюм. Шексна стала совсем узенькой – едва втрое-вчетверо шире Сестры. Да и того нет. Берег низкий, лесистый. По самому берегу кое-где покосы...

Деревушки бедные, резьбы нет – ни одной церковки нет тоже – а я надеялся.

Встречаются шлюзы...»²³

4

Помимо широко известных исторических романов Дмитрий Михайлович Балашов написал множество путевых очерков, достаточно подробно рассказал читателям, что и где он видел, но кажется, ни одному путешествию, ни одному городу мира не посвятил столько текста, как описанию прибытия в Кириллов 25 августа 1950 года.

«Череповец. Пристань. Дух пристани. Тишина. Спокойствие.

Прогулка за город. Заросли ольхи.

Раскаленные от зноя желтые муравьи. Вышка. Погладил рукою сухое дерево.

Ветерок. Никак не мог согреться. Было одиноко и тоскливо.

Пароход. Закат солнца. Ровный стук машины.

Утром шлюзы. Озеро.

Подъезд к Кириллову. Пароход, разрезая зеленые волны, шел к берегу.

Сергей в костюме. Берег. Жара»²⁴.

«На маленькой станции было пустынно и зябко. Густой, молочный туман висел в воздухе и, казалось, нет ничего кругом, кроме смутных очертаний товарной платформы, заставленной посредине какими-то ящиками.

Спрыгнув на сырой хрустнувший под ногами песок, Володя всей грудью ощутил пронзительно-свежий запах осеннего леса, а затем, когда поезд, негромко посвистав, ушел в туман, оставив его в одиночестве, так же остро ощутил тишину»²⁵.

«Кириллов меньше Сестрорецка вдвое.

²³ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 1310, л. 1.

²⁴ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407.

²⁵ Там же.

Это большое село, есть несколько каменных домов, разбросанных возле центра. Монастырь на берегу озера. В нем много чего помещается. Кстати – общежитие школы.

Но сама школа в особом здании в городе. Я прошел по деревянным мосткам, отыскал дом, вошел, встретил Кашину Ольгу Васильевну – она меня узнала. Я только увидел, что, будто знакомое лицо, догадался, что это она»²⁶.

5

Но иначе и быть не могло...

Впервые 25 августа 1950 года предстает Дмитрий Михайлович Балашов не Дюкой Гипсипеем, опекаемым заботливой мамой и памятью о таком чудаковатом, но таком увлеченно-талантливом отце, а самостоятельным человеком, приехавшим в русский городок, чтобы поднять на должную высоту здешнюю культуру.

Задача ответственная, ответственное и отношение героя, принесшего сюда высокую культуру.

И хотя на улице невыносимая жара, но герой в костюме.

Иначе нельзя. Таким – строго и безукоризненно одетым должен он предстать не только перед своими будущими учениками, коллегами и начальством, а перед самой Россией, встречи с которой так ждала его душа.

Но сразу возникает некий диссонанс.
Ну, точь-в-точь, как в былине...
Приехал Дюк во столен Киев-град,
А едет прешпехтами торговыми,
А все тут купцы да и дивуются:
«Век-то этого молодца не видано».
Ины говорят: «Так ведь и видано.
И наш Чурилушка щапливее,
Наш Чурила щегольливее».

Вот и тут, в Кириллове одни дивовались на высокую культуру, которую юный выпускник «театраловедческого» факультета принес в их город, другие, вздыхая, вспоминали, что уже были в монастырской культпросветшколе такие «чурилушки»...

А с культурой – выпускник «театраловедческого» факультета это сразу просек! – дела обстояли весьма и весьма неблагополучно. Коллеги-учителя, озабоченные заготовкой дров на зиму и другими хозяйственными нуждами, пропадали на своих огородах. Опереться в продвижении культуры в народные массы было не на кого, да и администрация в лице директора училища, товарища Калинина, оказалась при ближайшем рассмотрении малоквалифицированной, и вообще – не очень-то расположенной к культуре.

«Вхожу. Полный человек, волосы слегка вьются, чуб вздыбленный, лицо широкое, улыбающееся.

– Здравствуйте.

– Вы Балашов Дмитрий Михайлович? Ну, как вас встретили? Нет? – ударил по звонку. Вбежала Ольга Васильевна. – Что же это вы не встретили Дмитрия Михайловича? Я же вас посылал?

Говорит добродушно, но чувствуется власть.

Я объяснил, что ждал у схода. Они меня не видели.

²⁶ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 1310.

– Надо же было сообразить, что человек жить переезжает, значит с вещами. Эх вы, не догадались, не догадались. Ну, как, Дмитрий Михайлович, вы вдвоем?

– Нет один, – объясняю я. – <Жена> заболела, искупалась.

Подаю диплом и назначение.

– Это потом, сперва надо вам квартиру устроить.

Все же минут через пять среди разговора как бы ненароком посмотрел и то и то.

– Ну, пойдете, Дмитрий Михайлович!

Когда выходили, Ольга Васильевна напомнила директору:

– Павел Федорович, так сегодня к нам?

– Не знаю, не знаю, как уж Лидия Ивановна... Ты с ней говорила?

– Да она говорит, как вы, Павел Федорович.

– Ну вот видишь, она, как я, а я, как она. Посмотрю. А ты вот что, Ольга, занеси-ка Лидии Ивановне мой плащ и портфель. Мы тут с Дмитрием Михайловичем пойдём, посмотрим квартиру...»²⁷

6

Дмитрию Михайловичу предстояло взвалить на свои плечи в Кириллове весь груз культурной работы, и он был готов к этому подвигу, но вместо этого ему пришлось заниматься проблемами, связанными с поисками квартиры, с устройством быта.

И матери не было рядом.

«Ты тут могла бы устроиться по линии детсада»²⁸... – напишет Дмитрий Михайлович в письме Анне Николаевне. Впрочем, настаивать на переезде матери из Ленинграда в Кириллов он не стал.

«Первые встречи. Приезд. Калинин. Город, монастырь (бегло). Махин. Старуха (у меня чисто-о-о). Попойка. Калинин дома.

Дом плотника. Еще какая-то <хозяйка>. Хождение по квартирам. Жизнь в монастыре...

Наконец та комната. Размещение.

Гл.2. Первый блин всегда комом. Или отчаяние. Мучения с первым уроком, (не написать) Вдохновение от отчаяния.

Провалы с работой. *Мама, приезжай!* (выделено нами. – Н.К.)

На сбор урожая. Фигуру председателя. Хоть наших-то девочек отпустите (дергать лен). Его жалкий вид.

Так бедны оттого, что по золоту ходим. А может наоборот – бедны от того, что золото ногами топчем.

Приезд мамы. Ноябрьские праздники.

Концерт в Крохино. Переезд в монастырь.

Концерт перед Новым годом.

Конские бега. Зимняя сессия.

Дела учебные поправляются. Уменьше вести урок.

Дела режиссерские. Сцены из Бориса.

Работа и люди. Спор о сельском хозяйстве. Швецов и другие. Обострение дел в школе.

Мысли о школе по работе в целом. Педагогический вопрос. Ссоры. Приезд московского ревизора.

Весна. Таяние снега. «Некруты». Любовь и мучения. Частушки. Девушки.

Репетиция «Парня» Горбунова. «Гроза».

²⁷ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 1310.

²⁸ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 1310.

Постановка «Парня».

Сессия.

Ферапонтовы фрески.

Ссоры с начальством. Не платят. Сборы. Отъезд. «Я вернусь».

Всего около 20 глав»²⁹.

В этот уместившийся на нескольких листках план Дмитрий Михайлович вместил все горести и прозрения своей кирилловской жизни.

7

В своей «Автобиографии» Дмитрий Михайлович напишет, что он в Вологодской культпросветшколе был «преподавателем всего на свете».

«Очень яркие два года жизни в старинном городке Кириллове. Замечательные ученики и невозможное, со всех точек зрения, начальство. До сих пор не понимаю, из какой среды является у нашего доброго, работающего, неглупого, даже талантливого, хоть и несколько безалаберного народа столь тупое, глупое и чванливое начальство? Это меня изумляло всю жизнь».

Если совместить свидетельства «Автобиографии» с набросками к «Культпросветшколе», получится персонаж, очень похожий на героя первой повести Василия Аксенова «Коллеги».

Повесть Аксенова писалась, как известно, на основе опыта, приобретенного Аксеновым в поселке Вознесенье на Онежском озере, куда его, как и Балашова в Кириллов, отправили по распределению после окончания медицинского института.

В масштабе северо-запада нашей страны Кириллов и Вознесенье стоят почти рядом, как могли бы стоять рядом и персонажи их первых произведений.

Они, действительно, очень схожи, и прежде всего своей собственной самооценкой. Дмитрий Балашов, например, поставил эпиграфом к «Культпросветшколе» слова Теодора Драйзера: «Самое безнадежное дело на свете – пытаться точно определить характер человека. Каждый индивидуум – это клубок противоречий, тем более *личность одаренная*»...

Столь же скромно оценивает себя и молодой врач из повести «Коллеги».

Сходны и планы героев Балашова и Аксенова.

Их задача – преобразить глухую и косную жизнь провинции, наполнить своим ленинградским талантом и светом...

Существенно отличие произведений Балашова и Аксенова лишь по времени.

Дмитрий Балашов приехал в Кириллов в 1950 году, еще при жизни И.В. Сталина, а Василий Аксенов – в Вознесенье в 1958 году, когда уже наступила другая, хрущевская эпоха.

Поэтому ощущения героя «Культпросветшколы» несколько опережают время, а вот герой «Коллег», как всегда бывает с героями таких авторов, как Аксенов, очень точно попадает в социальный заказ эпохи.

Еще существеннее различия в отношении авторов к самой русской глубинке, на материале которой строят они свои повествования. Для Василия Аксенова вся окружающая поселковая жизнь только материал для самоутверждения героя. Для Балашова и русская глубинка обладает самоценностью. И столкновения героя с действительностью отнюдь не всегда возвеличивают его, чаще становится уроком для постижения собственного несовершенства.

«Сцена с Калининым. Приезд мамы. Мне тогда не было стыдно и не стало стыдно потом, потому что все вытеснил приезд мамы. Стыдно мне становится сейчас при воспоминании об этом. И не то стыдно, что не сдержался и кричал на Калинина, и не то также, что я струсил все-таки его ударить, а стыдно то, что и кричал и свирепел от приезда мамы, от того, что в этот момент как бы прятался за ее спиной, что без нее возможно вовсе не было бы этой сцены, а

²⁹ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407, л.14–16.

значит, мой гнев имел обратной-то стороною трусость. И вот за эту мою тогдашнюю трусость мне сейчас стыдно»³⁰.

Пожалуй, этот набросок, точнее других, говорит о том, что искал Дмитрий Балашов, составляя наброски «Культпросветшколы», что он, вероятно, сам того не понимая, хотел выразить.

Хотя он писал свою повесть на целую эпоху раньше Василия Аксенова, но того объема мыслей и ощущений, которые и обеспечили шумный успех «Коллегам», хватило Балашову всего на несколько страниц повествования. Ну, а сделать следующий шаг в постижении и себя, и русской жизни Балашов пока еще не мог.

Повесть «Культпросветшкола» так и осталась недописанной им...

8

Поражением закончилась и педагогическая карьера Дмитрия Балашова в Кириллове.

Позднее он рассказывал, будто в постановке «Грозы» А.Н. Островского он вывел Кабаниху, как исключительно положительный образ хранительницы русских обычаев и традиций, и поэтому и был подвергнут критике местного начальства, но, похоже, что это – позднейшее осмысление событий. В записях Балашова того времени не удается обнаружить никаких подтверждений подобному переосмыслению образа Кабанихи.

Впрочем, нет нужды утомлять читателя описанием всех коллизий пребывания Балашова в вологодской культпросветшколе.

Произошло в Кириллове в 1951 году примерно то же, что и на пиру князя Владимира с Дюком Степановичем...

Выставал Чурилушка сын Пленкович.
Говорил Чурила таково слово:
«Владимир ты князь да стольнокиевский!
К нам не Дюк Степанович наехал-то.
Налетела ворона погуменная.
Да он у крестьянина коня украл,
А и он у крестьянина живота накрал,
А тем животом он похваляется».

Говорил-то Дюк да таково слово:
«Да ай ты, Чурило сухоногое,
Сухоногое, Чурило, грабоногое!
Я своим именищем-богачеством
Да и ваш-от весь столен Киев-град
Я продам именем да и выкуплю».
Говорил Чурила таково слово:
«Владимир ты князь да стольнокиевский!
Посадим-ко мы Дюка во глубок погреб,
А пошлем-ко Олешу мы Поповича
Ко Дюку именище описывать».

Говорил-то Дюк да таково слово:
«Владимир ты князь да стольнокиевский!

³⁰ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407, л. 10.

Не посылай-ко Олешиньки Поповича.
А Олешино дело ведь поповское.
Поповско дело не отважное,
Не описать имения будет в три года,
Во тех межах ему числа не дать...»

Кирилловская инсценировка былины «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» далее завязки не пошла.

9

«Действительность провинциального местечка оказалась совершенно не той, какую он мог предполагать, – сказано в воспоминаниях Г.М. Балашова. – Учителя, в основном без высшего образования, заняты были своими огородами и хозяйственными соображениями насчет заготовки дров на зиму и прочих подобных дел. Администрация малоквалифицированная, невежественная, от какой-либо культуры весьма далекая. И все это обрушилось на бедную неподготовленную голову Дмитрия Михайловича, в результате чего он оттуда постыдно сбежал 20 февраля 1952 года».

Здесь ошибка в дате.

Д.М. Балашов уехал из Кириллова раньше, еще летом 1951 года.

Об этом свидетельствуют доверенности на имя гражданской жены Анастасии Дмитриевны Павловой и заявления, написанные Дмитрием Балашовым летом 1951 года.

«Доверяю Павловой Анастасии Дмитриевне сдать в хозчасть Вологодской культурно-просветительской школы утерянные мною парик, усы и клещи и получить назад мою расписку, данную завхозу школы с обязательством эти предметы вернуть. Балашов Дмитрий Михайлович»³¹.

«Доверяю Павловой Анастасии Дмитриевне получить за меня из кассы Вологодской культурно-просветительской школы причитающуюся мне зарплату за вторую половину июня месяца 1951 года и отпускные деньги за летний отпуск 1951 года (за вычетом всех налогов, займа, платы за квартиру и дрова, задолженности по комсомольским взносам)...³²

«Обращаюсь к вам еще раз.

Хотя ответа на мое первое письмо ждать еще рано, я хочу сообщить вам вот что: в августе месяце мне было назначено ехать в Москву на переподготовку преподавателей. Разумеется не получив денег даже за отпуск я никуда уехать не в состоянии. Получу ли я отпускные – Бог весть.

Если в связи с моей просьбой, моя поездка в Москву отменяется – напишите мне до августа – и я уеду со студентами на строительство. Если не отменяется – напишите т. Калинин, чтобы он выслал деньги мне по моему ленинградскому адресу.

Съездить в Кириллов мне не на что совершенно.

Прошу известить меня о моей дальнейшей судьбе.

Только повторяю еще раз – в Кириллов я не вернусь, пусть лучше меня отдадут под суд или выгонят, а работать я хочу, очень хочу.

Хочу надеяться, что вы поймете мое положение и удовлетворите мою просьбу о переводе. 11.7.51»³³.

³¹ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407, л. 36.

³² ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 407, л. 37.

³³ ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1 д. 407, л. 38–39.

Под этими письмами стоит обратный адрес: «Ленинград. Озерный пер. д. 3 Детсад № 3». Возвращение 24-летнего мужчины из самостоятельной жизни в русской глубинке в Ленинград, в детсад № 3 – это не просто смешное совпадение.

Это та невеселая правда начальной биографии Дмитрия Михайловича Балашова, без постижения которой не понять многого в дальнейшей жизни писателя.

Гражданская жена Анастасия Дмитриевна Павлова и ребенок, рожденный в келье Кирилло-Белозерского монастыря, вот, кажется, и все, что приобрел Дмитрий Михайлович Балашов в ходе своего первого погружения в глубинную Россию.

Сам Дмитрий Михайлович эту правду не скрывал.

«С начальством, в конце концов, и тамошним и областным, я и рассорился, и, выгнанный из провинции, вернулся в Ленинград, где была жива мама, защита и оборона моя, и где мы и стали жить уже вшестером», – напишет он в своей «Автобиографии», словно бы отсылая читателя к все той же былине «Дюк Степанович и Чурила Пленкович», в которой именно мудрость матери спасает не в меру расхваставшегося сына.

Кстати, согласно семейному преданию, жена, Анастасия Дмитриевна Павлова³⁴, пришла в Ленинград из Кириллова пешком.

³⁴ Официально с Анастасией Дмитриевной Павловой Дмитрий Михайлович Балашов расписан не был. По крайней мере, в военном билете, кажется, единственном документе из удостоверяющих личность, который хранится в ГАНПИНО, выданном Д.М. Балашову 1 марта 1963 года Петрозаводским городским военным комиссариатом, указана единственная жена – Балашова Людмила Сергеевна (Шапошникова). Рядом сделана пометка— «разведен». Ф.8107 о.1, д. 1311.

Глава третья Пушкинский дом

Нельзя любить родину и не верить в нее, ибо родина есть живая духовная сила, пребывание в которой дает твердое ощущение ее блага, ее правоты, ее энергии и ее грядущих одолений. Вот почему отчаяние в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся отрыве от него, об угасании духовной любви к нему. Но верить в родину может лишь тот, кто живет ею, вместе с нею и ради нее, кто соединил с нею истоки своей творческой воли и своего духовного самочувствия.

И.А. Ильин

Окуловка. 1. Возвращение в детсад № 3. Мытарства в поисках работы. 2. Мытарства в поисках себя. 3. Рассказ «Мученик». Отказ от ложного пути. 4. Новоселье в своей комнате. Второе замужество матери. Андрей Николаевич Егунов. 5. Отец и отчим. Пушкинский дом. Первая экспедиция на Терский берег. 6. Экспедиция на Печору за старыми книгами. 7. Продолжение Печорской экспедиции. 8. Переезд в Петрозаводск. 9. Открытие Варзуги

После кирилловского провала наступает самый смутный период в жизни Дмитрия Михайловича...

В начале 1952 года он ездил в Москву и переоформил распределение на Новгородскую областную культпросветшколу, которая находилась в Окуловке.

Здесь он с 14 апреля 1952 года преподавал основы советского искусства и режиссуры, сюда к нему приезжал младший брат, создавший здесь, в Окуловке, свой первый прозаический труд:

«1952-й год, Новгородская область, Окуловка, Культпросветшкола. Подглуховатая учительница, живущая в бараке, вдвоем со своей малолетней дочкой.

Мать дочери: «Будешь бегать бисичком, простудисся, заболеешь и умрешь. А как умрешь, заруют в земельку. Будешь плакать, все равно не отроют».

Эта запись Григория Михайловича Балашова достаточно точно передает атмосферу тогдашней жизни Окуловки.

Дмитрий Михайлович Балашов не задержался тогда и на Новгородчине – через два месяца, 22 июня, он вернулся в Ленинград.

1

«Моя любовь», «Сын», «Жизнь начинается с ошибок», «Жизнь и мечта»...

Это названия рассказов и повестей, в которые в начале пятидесятых пытается Дмитрий Михайлович Балашов вместить приобретенный им опыт.

И хотя критическое осмысление – «Жизнь начинается с ошибок»! – приобретенного опыта выносится в заголовок, но сам автор исправлять совершенные «ошибки» не торопится, вернее не понимает, как их можно исправить.

Пока за «ошибки» приходится платить родным, главным образом матери.

До отъезда Дмитрия Михайловича в Кириллов, в комнате двухэтажного флигеля, стоявшего между Ковенским и Озерным переулками, Балашовы жили втроем, но теперь на двенадцати метрах прибавилось еще три жилья – вторая гражданская жена Дмитрия Михайловича Анастасия Дмитриевна Павлова и двое детей – Василий и Анна.

«Впрочем, – пишет Дмитрий Михайлович в «Автобиографии», – то ли от общей тесноты, то ли от общей бедности, но мы с соседями жили дружно. Семья татарина-дворника Мухаммеджана, не то шесть, не то восемь душ; в другой комнатке-«девушке» техперсонал детсада, опять не то шесть, не то восемь человек, и в последней – работница детсада, мамина старинная знакомая, с мужем и собакой Найдой».

Но если дворника Мухаммеджана теснота у Балашовых не пугала, то милиция забеспокоилась. Однажды пришел участковый и велел Анастасии Дмитриевне немедленно покинуть Ленинград.

Спасла непрописанную жену Дмитрия Михайловича Татьяна Николаевна Розина. Она устроила Анастасию Дмитриевну работать в детский сад в Ушково, за Зеленогорском³⁵.

Сам Дмитрий Михайлович бегал по Ленинграду в поисках работы.

По профессии работу найти не удавалось, и 3 сентября 1952 года Балашов устраивается лаборантом в 194-ю женскую среднюю школу им. Н.А. Некрасова, где до революции в Литейной женской гимназии училась его мать, Анна Николаевна.

Работал он здесь до 28 февраля 1953 года, а 7 апреля устроился рабочим в Московский парк Победы.

Как видно из документов³⁶, в 1953 году Дмитрий Михайлович прошел учебные сборы при ДОСААФ (313 часов) и получил воинскую специальность моториста.

1 октября 1953 года он увольняется из Московского парка Победы и 16 апреля 1954 года оформляется художником в производственно-техническую контору ЦПКиО им. Кирова. Впрочем, художником он был всего неделю и уже 23 апреля уволился.

Дольше – с 21 сентября 1954 года по 24 августа 1955 года – продержался он на должности руководителя театрального кружка в зеленогорском Доме пионеров.

Возраст Дмитрия Михайловича Балашова приближается уже к тридцати, у него было двое детей, но он продолжал метаться, пробуя свои силы в самых разных областях деятельности...

Период этот в жизни будущего ученого и писателя не то чтобы самый неизвестный, но наименее внятный.

2

Датировка этого периода жизни Д.М. Балашова была кропотливо составлена его братом³⁷, вероятно, на основе Трудовой книжки, которая отсутствует среди документов «балашовского фонда» Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области.

Произведя несложные подсчеты, нетрудно увидеть, что в период с 22 июня 1952 года, когда Дмитрий Михайлович освободился, наконец, от положенной после получения диплома отработки, он работал до 21 сентября 1954 года всего двенадцать месяцев, а пятнадцать месяцев находился, так сказать, в свободном плавании.

Вероятно, к этим пятнадцати месяцам свободных исканий Дмитрия Михайловича и относится эпизод из воспоминаний Аллы Кторовой «Гений – парадоксов друг»...

«Как-то, когда я не слышала о нем долгое время и жила летом в маленькой деревушке под Москвой, мы встретились с ним в самых странных, неожиданных обстоятельствах.

Однажды, возвращаясь из леса, я увидела бегущих мне навстречу деревенских женщин преклонного возраста, с радостным возбуждением кричавших: «Ступайте скорее домой, к вам монашек пришел!» Чем могло грозить в те сталинские годы одно слово «монашек» тому, к

³⁵ Здесь, в Ушково, Анастасия Дмитриевна работала в детском саду до пенсии.

³⁶ ГАНПИНО. ф. 8107 о. 1 д. 1311.

³⁷ Балашов Г.М. Пунктирные линии. С 5–6.

кому он пришел «в гости», объяснять не следует. Прибегаю к избе, на пороге Митька в монашеской одежде, клобуке и подряснике.

Рассказываю этот эпизод только для того, чтобы дать почувствовать читателю, каков по натуре мой Митрий (он приказал мне отныне именно так его называть) был суть человек.

Прибавлю, что когда мы сели хлебать с ним какие-то невозможные «шти», он заявил, что разделит трапезу вместе со мною, но только при одном условии: деревянными ложками и только из одной «деревянной чашки». Вместо этой древнерусской посуды была использована, конечно, обычная тарелка и алюминиевые ложки».

Увы...

Путь к своей русской судьбе Дмитрий Михайлович Балашов искал вслепую, почти наугад... Он искал этот путь долго и трудно, пытаюсь – гены отца-актера! – надеть на себя русскую судьбу, как сценическую одежду.

Самозабвенно начинал вдруг играть в монастырского послушника.

Он рассказывал друзьям разные небылицы, принимал позы, которые столь же далеким от русской жизни выпускникам и выпускницам «театраловедческого» факультета могли показаться русскими...

«Он пешком обошел весь Север России, – пишет Алла Кторова, – был короткое время послушником в Белозерском монастыре под Вологдой, ходил в косоворотке и смазных сапогах, а летом – босиком или в самосплетенных из лыка лаптях, ел только исконно русскую пищу: вареную и вяленую репу, огурцы, «серые», то есть пустые щи»...

Символично, что этот «мутноватый» период жизни Д.М. Балашова совпадает со столь же невнятным периодом в истории всей страны, наступившем после смерти И.В. Сталина и ознаменованном ожесточенной борьбой в кремлевских кругах, завершившейся победой Никиты Сергеевича Хрущева, попытавшегося возродить русофобский ленинский интернационализм.

И тут, казалось бы, расплывчатое и отчасти даже банальное выражение о поисках своего пути, поисках самого себя, применительно к Балашову обретает предельную конкретность.

3

Все это время Балашов ищет себя и в литературе.

Среди многочисленных набросков этого времени³⁸ мы видим и законченные рассказы писателя.

Таков, например, рассказ «Мученик», написанный в 1955 году...

«В 1954 году, проезжая через Киев, я побывал в пещерах Киево-Печерской лавры и был привлечен одной из надписей: «Иоанн, единственный из подвижников, ушедший в затвор в молодых годах. Часто болел, за что и назван многострадальным», – прочел я и, представив себе его жизнь, написал этот рассказ»³⁹.

Упоминание 1954 года в концовке рассказа «Мученик» не случайно...

7 июля 1954 года вышло Постановление ЦК КПСС об «усилении антирелигиозной пропаганды», ознаменовавшее начало новых гонений на Русскую Православную Церковь, и параллель тут очевидна.

Как очевидно и то, что рассказ, повествующий о судьбе несчастного инок, которого по приказу игумена заморили в монастырском подвале голодом, вполне мог оказаться востребованным в разрастающейся кампании шельмования Русской Православной Церкви.

³⁸ Повесть «Зодчий». ГАНПИНО. Ф.8107 о. 1, д. 415.

³⁹ ГАНПИНО Ф.8107 о. 1, д. 429.

Сейчас уже известны подлинные масштабы хрущевского наступления на Церковь. За время его правления число действующих храмов и монастырей сократится более чем в четыре раза. Многие православные храмы были взорваны.

Конечно, Дмитрий Михайлович только по-актерски примерял на себя монашеские одеяния, но, хотя с литературной точки зрения рассказ «Мученик» написан вполне грамотно, что-то его все-таки остановило тогда. Участвовать в хрущевской кампании шестидесятнического избиения Русской Православной Церкви, а значит и всей России, он не захотел...

И хотя ни о каком обретении себя в 1955 году еще не могло быть и речи, но нам представляется, что именно тогда был сделан Дмитрием Михайловичем верный шаг в нужном направлении.

Он сумел удержаться от искуса.

Он продолжал искать себя, и в результате нашел себя в эти годы в самом прямом значении этого слова.

Тогда, в середине пятидесятых, среди «пробования» своих сил в разных областях деятельности, действительно, отступает человек с английским именем и выдуманной фамилией, а вместо него является знакомый сейчас миллионам читателей Дмитрий Балашов...

Интересно, что именно тогда Дмитрий Михайлович Балашов начинает задумываться о работе в Пушкинском доме.

«Мы с Дмитрием Михайловичем Балашовым познакомились в пятьдесят четвертом году в Пушкинском доме, – вспоминает Юрий Константинович Бегунов. – Тогда я учился у будущего академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который возглавлял сектор древнерусской литературы Пушкинского дома, в Академии наук. И Дмитрий Михайлович ходил в качестве слушателя на заседания этого сектора древнерусской литературы, слушал доклады и лекции, которых было немало – каждую неделю. Мы там познакомились. Он задавал вопросы.

Я уже тогда, будучи студентом старших курсов Университета, выступал с докладами, и Дмитрий Михайлович меня заметил... Мы познакомились, впоследствии – подружились. С самого начала я заметил его острый ум...

Была в нем избирательность такая... он сразу отличал плохое от хорошего – находил хорошее и хороших людей. Тяга к хорошему и к лучшему была исконной его тягой, что и помогло ему выбрать жизненный путь, найти свое место в жизни. Он был, конечно, человек выдающихся способностей, очень многих... Но весь вопрос, как приложить свои силы? Это было особенно трудно в начале: кто поможет, кто будет руководить?»

4

В 1955 году, благодаря хлопотам депутата Верховного Совета СССР Н.К. Черкасова, не позабывшего своего товарища по тюзовской сцене, его вдова, Анна Николаевна Гипси, получила со своими сыновьями 28-метровую комнату в четырехкомнатной коммуналке на улице Петра Лаврова⁴⁰.

Комната, как вспоминает Г.М. Балашов, была полутемная, и хотя здесь текло с потолка, но это была *своя* комната.

Тут самое время сказать о главном в характере Анны Николаевны Гипси...

Мать Дмитрия Михайловича была образцом женской кротости, терпения и жертвенности.

Без ропота терпела она, еще востронозой девочкой, когда въехавшая в ее квартиру свекровь тщательно пересчитывала ложки, доставшиеся Анне Николаевне от родителей...

⁴⁰ Теперь – улица Фурштатская, дом 34, кв. 14.

Без возражений приняла она диковинную фамилию, изобретенную чудаковатым супругом-футуристом, и не сменила ее, когда муж умер.

И не ради себя, а ради сыновей, столько лет она, одаренная художница, работала воспитательницей в детском саду.

О ее отношениях с Дмитрием Михайловичем мы уже говорили.

Она всегда защищала его, и даже когда Дмитрий Михайлович вырос, он продолжал искать и находил у нее защиту и помощь.

Но доброта Анны Николаевны распространялась и на других людей.

Анна Николаевна помогала всем, кто нуждался в помощи, и – такой силой обладала эта искренняя, душевная доброта! – что, обратным ходом, она помогла и самой Анне Николаевне в поиске выхода из сложного положения, в котором к тридцатилетнему юбилею оказался ее любимый Дюка.

Как мы уже говорили, пробуя свои силы в самых разных направлениях, Дмитрий Михайлович во второй половине пятидесятых годов начал определяться со своими интересами.

Более всего привлекала его работа в Пушкинском доме...

Но, как справедливо говорит в своих воспоминаниях Ю.К. Бегунов, «весь вопрос, как приложить свои силы? Это было особенно трудно в начале: кто поможет, кто будет руководить?».

Самому Юрию Константиновичу, который начал участвовать в работе семинаров, проводимых Пушкинским домом, еще на последних курсах университета, путь в аспирантуру был открыт.

Другое дело Балашов.

«Театраловедческое» образование, да еще и семилетней выдержки не очень котировалось в Пушкинском доме. И, конечно, как всегда, существенным препятствием становился и сам характер Балашова.

«Я сразу же нашел себе учителя – Д. С. Лихачева, – вспоминает Ю.К. Бегунов. – Что касается Дмитрия Михайловича Балашова, то у него таких знакомств не было, да и характер его был не из простых. Он плохо сходился с людьми, особенно, если эти люди почему-либо были ему не симпатичны. Он слишком чисто, высоконравственно относился к людям, планку ставил высоко... И любая фальшь ему была неприятна. И соответственно, отношение с нужными людьми не налаживались...»

Положение складывалось безвыходное, и тут Балашову помог случай...

Вернее – доброта его матери, Анны Николаевны, распространявшаяся и на других людей, хотя и самой ей, и родным сыновьям и внукам в эти годы приходилось несладко.

У Николая Николаевича Васильева, брата Анны Николаевны, который умер в блокаду, был друг Андрей Николаевич Егунов. Человек этот отличался высоким образованием – он знал семь языков.

Николай Васильев и Андрей Егунов закончили Тенишевское училище, затем – филологический факультет университета и были оставлены на кафедре для подготовки к профессорскому званию.

В двадцатые годы Андрея Николаевича Егунова арестовали, он получил десять лет, отсидел весь срок, и когда перед войной освободился, в Ленинград его не пустили, и он вынужден был поселиться в Новгороде. Тем не менее ему, как редкостному специалисту по древнегреческому языку, разрешили преподавать в Ленинградском университете. В университете Андрея Николаевича ценили и сделали такое расписание, чтобы он мог и из Новгорода ездить на занятия.

Так Андрей Николаевич и ездил в Ленинград, а потом немцы захватили Новгород и угнали Егунова в Германию. Освободили его американцы, но Андрей Николаевич перешел в

советскую зону и работал переводчиком в нашей армии, а когда после Победы вернулся на Родину, получил еще десять лет лагерей, которые отбывал в Средней Азии.

Освободился Андрей Николаевич Егунов, когда ему перевалило за шестьдесят... Двадцать лет своей жизни он провел в советских концлагерях, три года в немецком плену.

Освободившись, Андрей Николаевич объявил, что скоро ему умирать, и он никуда не хочет ехать, и сердобольное лагерное начальство, освободив его от надзора, отправило Егунова в дом инвалидов. Однако вместо этого Андрей Николаевич поехал к своему брату, на север, в Ухту, а затем перебрался в Ленинград.

Никаких прав на проживание в родном городе у него не было, но выручила Егунова сестра друга молодости – Анна Николаевна Гипси.

25 июня 1956 года – ей еще только должно было исполниться шестьдесят! – она вышла замуж за Андрея Николаевича, и в комнате на Петра Лаврова появился новый жилец, а у Дмитрия и Григория Балашовых – отчим.

На работу Андрей Николаевич пошел в Пушкинский дом, куда, несколько месяцев спустя устроил и своего пасынка Дмитрия. В 1957 году он становится научно-техническим сотрудником Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

Вначале Балашов посещал семинары Отдела древнерусской литературы, но в конечном счете не сумел установить творческого контакта с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, ибо, как писал Л.Н. Гумилев, «чисто академический стиль научного общения оказался тесноват для импульсивного, эмоционального и в лучшем смысле слова реалистичного балашовского характера».

Вскоре Дмитрий Михайлович начал посещать специальные семинары по фольклору, которые вела Анна Михайловна Астахова.

Это было его дело...

Это было – Балашов сразу понял это! – уже навсегда...

5

Мы уже говорили, что Михаил Михайлович Гипси-Хипсей не только наградил своего первенца чудовищной для русского человека фамилией, но и пристроил его – памятью о себе! – учиться «театраловедению», сделать которое специальностью Дмитрий Михайлович так и не смог, хотя и потратил на это семь лет. Зато отчим Андрей Николаевич Егунов сразу же и навсегда привел его в Пушкинский дом...⁴¹

И тут надо отметить, что одной только рекомендацией его дело не ограничилось. Как утверждает Г.М. Балашов, Андрей Николаевич Егунов серьезно занимался с Дмитрием «и, в частности, очень помог ему в английском, для кандидатского минимума»⁴².

Отец и отчим...

Ложный, не нужный тебе путь и твой, истинный путь...

Тут есть, о чем поговорить, но сам Дмитрий Михайлович Балашов старательно обходил эти мысли.

«Я перепробовал несколько профессий, пытался уйти в рабочие (имея высшее образование, это, в то время, оказалось невозможным) и, наконец, несколько «поостыв и придя в себя», поступил в аспирантуру Пушкинского дома на фольклор, – пишет он в «Автобиографии». – Было это в 1953 году»⁴³.

⁴¹ В Пушкинском доме до сих пор издаются сборники фольклорных материалов, созданные при участии Д.М. Балашова.

⁴² Балашов Г.М. Пунктирные линии. С 12.

⁴³ Дмитрий Балашов. Писатель. Историк. Фольклорист. Материалы Первых Балашовских чтений. Великий Новгород, 2002. С. 4.

Ошибка в дате – а ее, кстати, повторяют и в Предисловии к описи № 1 фонда № 8107 Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области! – не случайна.

Балашов как бы спрямляет свою биографию, изымая из нее четыре «мутных» года жизни...

Они не вписываются в тот Путь, по которому предстояло идти ему, путь, ведущий через фольклор к постижению тайной и сокровенной глубины русской жизни, к его романам, которые, собственно говоря, и являются не беллетристикой, а попыткой возрождения русского героического эпоса.

Фольклор Русского Севера захватил Дмитрия Михайловича. Словно в ожившую сказку погружается Балашов в северную старину...

«В Кандалакшу поезд пришел ночью...

Тишина стояла неправдоподобная. На бледно-голубом тонком небе, по всему окоему лежала широкая неяркая радужная кайма, и непонятно было, где село солнце? Где оно должно взойти?... Справа мерцал залив – будто кто-то осторожно налил жидкую луну в берега, и она стоит в них, почти не касаясь земли, – а за ним горы, прозрачные у подножья, как на старинных китайских картинах.

На пристани степенные теричанки, приглядевшись, спросили меня, кто я и откуда. Услышав ответ: – «За песнями» – помолчали. За песнями сюда ездят нечасто.

Ночь перестрадал на лавочке, хуже нет ждать! Наконец объявили посадку.

На катере, рассевшись, все начинают неторопливо разговаривать, и тут оказывается, что мои слова не забыли.

– Поди-ка к нам парень! Кого тебе нужно? Я вот знаю в Умбе-деревне Чукчину Овдотью; андель, вот песен знает-то!

– И куда тебе те песни девать будешь?

– Найду место!

– Гляди, все не увези!..

– Ты откуда сам-то, паренек, из Москвы? Из Ленинграда? Как же, знаю, деверь у меня там.

– Та спроси его, он, бывает, знает?

– Ну, где знать, шутишь, не мала и деревня!

– Еще кого тебе сказать-то... Ты вот что, к Дурьиним зайди, Мефодий Петрович, запомнишь? Ну, записывай, записывай. У него и жена песельница. Только на меня не скажи!

– Да где, он тебя и не знает!

– Ты скажи, коли, на катере говорили, и все. А то теинка обидится, натакали, скажет... Да ты погоди, парень, ты не спеши сразу-то»⁴⁴...

И еще и потому таким захватывающим было приобщение к северной старине, что уже в первой экспедиции 1957 года явственно обозначилась проблема, чрезвычайно созвучная настроениям Дмитрия Михайловича...

«Когда на исходе летнего дня 1957 года, я добрался до Чаваньги, то, едва напившись чаю, кинулся выяснять, кто здесь на родине А.М. Крюковой знает, кто еще помнит «старинны» или «стихи».

В поисках я обегал пол-деревни. Все было напрасно. Вспомнили, и то с трудом, поздние стихи литературного происхождения: «Старец, временем согбенный», «Гора Афон»... Былин не знал никто. Я не верил себе, я спрашивал снова и снова. Мне называли каких-то родственников Крюковой, ее теток или их дочерей, которые и могли бы знать...

– Где же они?!

– Да уже умерли. Все умерли теперь.

⁴⁴ Балашов Д.М. Северный берег. Очерки народной культуры. Т.1, ГАНПИНО Ф.8107 о. 1, д. 454, л. 11–14.

– Нынче-то забыли и не помнят тех стихов, что раньше пели! Вот Прасковья Семеновна была бы жива, так она бы тебя из синя моря повыздила, из темных лесов повывела.

– Но ведь Крюкова-то здесь же своим старинам выучилась! Это она по мужу Крюкова...

– Да знаю, знаю, как не знать! Аграфена-то Матвеевна отдана была насильно, на лодке увезли. Так отец еще за косу из подполья тянул ее, из избы волоком. Да и жила нехорошо... Нет, нынче про богатырей уже никто тебе не сплет!

В тот же год мне все-таки посчастливилось застать Евдокию Дмитриевну Коневу в Варзуге, и Дарью Затеевну Березину в Умбе.... Но настоящих богатырских старин я не записал от них...»⁴⁵

Открытие, что даже на родине самой Аграфены Матвеевны Крюковой забытыми оказались богатырские старины, удручало Дмитрия Михайловича, но с другой стороны это осознание наполняло его экспедиционную деятельность помимо чисто научного исследовательского содержания еще и высоким, столь созвучным богатырской душе Дмитрия Михайловича духовным смыслом спасения народной культуры...

⁴⁵ Балашов Д.М. Фольклор и самодеятельность, ГАНПИНО Ф.8107, о. 1, д. 474, л. 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.